

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

РАЗИН И РАЗИНЩИНА

Ещё при жизни донской казак Степан Разин стал для одних героем и объектом поклонения, а для других – смутьяном и извергом. Он и его соратники вызывали у одних восхищение и уважение, у других – презрение и ненависть. До 1917 года историки, как правило, видели в деяниях Разина пушкинский «бунт – бессмысленный и беспощадный». В советские же времена считалось, что Разин со товарищи были беззаветными борцами за народное счастье. Уже нет ни царской, ни советской России. Мы живём в новой стране. Так взглянем же ещё раз, уже с позиций XXI века, на эту неординарную и во многом загадочную фигуру столетия XVII, вооружившись принципом: «Не судить, а понять, не оправдать, но объяснить!»

РОДОСЛОВНАЯ

Разин родился на Дону около 1625–1630 годов. Его отец Тимофей Разя был выходцем из Воронежа. Кто была мать Степана, мы точно не знаем. Есть предположение, что ею была пленная турчанка, и, стало быть, Разин мог являться «тумой», или «болдырем» (так донцы называли детей христианина и мусульманки). Но у Степана была и русская названная мать – вдова Матрёна Говоруха, жившая в «украинном» (на Слободской Украине) городе Царёве-Борисове. Крёстным отцом Степана был знатный казак, будущий войсковой атаман Корнила Яковлев. Отсюда можно заключить, что Тимофей Разя и его сыновья Иван, Степан и Фрол занимали на Дону довольно высокое положение. Известно, что Степан был женат, но сведения о его супруге до нас не дошли. Возможно, он был грамотным, но и это точно не известно. Языками владел, причём несколькими – татарским, калмыцким и польским.

Первое датированное известие о нём относится к 1650 году – тогда Степан вместе с отцом собирались на богомолье в Соловецкий монастырь, ставший традиционным местом паломничества донских казаков. Но поездке помешала смерть отца. В ноябре 1652 года Разин всё-таки отправился на Соловки через Москву. Ничего больше об этом путешествии источники не сообщают.

В 1655-м Степан потерял старшего брата Ивана. Тот был старшиной отряда донцов, участвовавших в войне с Речью Посполитой под началом князя Юрия Долгорукого. От имени казаков Иван попросил разрешения вернуться на Дон и, не получив его, поехал домой самовольно. Его схватили и повесили. Какова была реакция Степана, мы не знаем, но вполне возможно, что он стал думать о том, как бы отомстить московской элите.

Следующее известие датировано концом 1658 года: Степан был членом зимовой станицы (посольства) в Москву, но по пути заболел и остался на лечение в Валуйках. Поправившись, он хотел ехать в столицу сам, однако мы не знаем, дано ли было ему на это разрешение. В начале 1661 года Разин – один из двух донских послов на переговорах с калмыцкими тайшами (князьями), принявшими российское подданство. Целью переговоров было заключение союза против крымских татар и турок, собиравшихся, по слухам, пойти на Дон войною. Переговоры, видимо, были успешными, раз в том же году наш герой вместе с московским посольством вновь отправился в калмыцкие улусы (владения). В ноябре того же года он с ещё одним казаком отправляется на соловецкое богомолье. В марте 1663-го Степан, как предводитель отряда из 500 казаков, принял участие в битве с крымцами под

Молочными Водами, успешной для донцов и запорожцев, а также их союзников калмыков. Следующее известие о нём относится к 1667 году, когда он отправился в свой знаменитый «Персидский поход».

«НА ДОНУ НЕТ ЦАРЯ»

В это время Войско Донское было относительно автономным политическим образованием – в состав Российского государства оно официально не входило, но тем не менее было с ним теснейшим образом связано. Территория Войска объединяла бассейны Дона, Хопра, Медведицы и частично Северского Донца. Оно являло собой федерацию станиц (военных отрядов), живших в укреплённых поселениях – городках. К 1670 году на Дону было около сотни городков. Столицей был Черкасск – там пребывали войсковой атаман, войсковые старшины и собирался войсковой круг.

Население Дона составляло более 20 тысяч человек. Среди них преобладали русские. Второй по величине этнической группой были украинцы (черкасы), прежде всего – бывшие запорожские казаки. Довольно многочисленными были тюрки – как пленные (рабы), так и вольные (перебежчики из Крыма и Азова, принятые в состав казаков). В 1664 году частью донского сообщества стали калмыки, которые подчинялись тайше Мончаку и кочевали между Волгой и Доном.

В сознании донского населения XVII века чётко различались «Вольный Дон» и «Русь». Бытовала пословица «На Дону нет царя». С одной стороны, авторитет монарха сомнению не подвергался, – с другой, не было и его безусловного обожания. Свою службу московским государям казаки считали добровольной – «из чести». Именно поэтому до 1671 года донцы не присягали царю. Они считали территорию Войска «государевой отчиной», однако, по сути, монарха замещала казачья администрация. Войсковые грамоты начинались фразой: «По указу великого государя и по нашему войсковому приговору...» Любые действия на Дону в соответствии с царским указом, но «без войскового ведома» считались незаконными.

Казаки видели себя среди приближённых монарха, рисуя его портрет по своему образу и подобию. В донском фольклоре XVI–XVII веков царь устойчиво величается «отцом», «батюшкой», «батюшкой-надеждой» и «светом»; казаки – члены его свиты или «товарищи». При этом войны с турками рассматриваются ими не только как возможность наполнить войсковую казну и обогатиться лично, но и как служба царю.

Для донцов (как и для простого народа в других регионах России) было характерно противопоставление монарха «боярам» – придворным сановникам, а также политической, военной и религиозной элите вообще. Господствовало убеждение, что царь пытается творить добро, но ему постоянно мешают его же слуги.

Жители Дона делили «бояр» на «добрых» и «недобрых». «Добрыми» для донских казаков являлись те представители элиты, с которыми у них были приятельские или даже дружеские отношения. «Недобрыми» же считались прежде всего те, кто не знал меры в своём стремлении к наживе или к власти, кто считался лихоимцем и «судьёй неправедным». Очевидно, именно таких разумел эпический Ермак, заявляя: «Царёвы люди хуже азиатов». Чаще всего донцы были настроены против тех чиновников, которые, по их мнению, были виноваты в задержке или расхищении царского жалованья для казаков. Их недовольство этим породило пословицу «Грамоты утверждают, а правители расхищают». К «недобрым боярам» причислялись и воеводы близлежащих к Дону городов, от которых казаки частенько терпели «обиды и насилия». В исторических песнях «злой» воевода не только «заедает» казачье жалованье, но и не даёт «по Волге погулять». Постоянное раздражение действиями «недобрых бояр» составляло питательную почву для бунтарских настроений.

Население «Вольного Дона» делилось на полноправных людей (собственно казаков) и неполноправных (голытьбу и бурлаков). Это дополнялось неравенством среди самих казаков, делившихся на «низовых» и «верховых», «старых» (потомственных) и «новопришлых», бедных и богатых («добрых», «домовитых», «нарочитых»), рядовых и «знатных»*.

До 1650-х годов основную массу донцов составляли зажиточные люди. Но затем довольно быстро стала расти доля голытьбы и бедных казаков из-за наплыва беглых крестьян и посадских людей. Это привело к усилению напряжённости среди донцов и в их отношениях с Москвой.

«Казачья обыкность», которую до поры до времени уважали и в Москве, не допускала выдачи беглецов прежним господам. Однако после принятия Соборного Уложения 1649 года правительство начало бороться с этим обычаем. Помещики, от которых бежали крестьяне или холопы, получали разрешение искать их на путях, ведущих к Дону, а местная администрация должна была всячески этому помогать. В 1666 году донцы получили прямой запрет предоставлять убежище крестьянам шацких дворцовых сёл и препятствовать переписи беглых, поселившихся «по реке Хопру в ближних местех».

До начала XVIII века «военно-разбойный» способ обогащения был на Дону самым престижным. Один из «заветов Ермака» (неписаных законов донской жизни) гласил: «Землю, казаки, пахать нельзя, мы – воины! Станем землю пахать – паны появятся. Ловите рыбу, разводите скотину, ходите на гульбу, за зипунами». Казаки Дона считали справедливым покушение на собственность «бояр» или купцов, но не допускали мысли о причинении ущерба «государевой казне». Герои донского фольклора грабят корабли не только иноземных, но и российских купцов, однако оправдываются тем, что грабили только «купцов-подлецов» – тех, кто не заплатил царю «дани-пошлины» и чьи корабли поэтому были «не орлёные» (без царского герба).

Хотя с 1627 года походы «за зипунами» на Волгу были запрещены под страхом смертной казни, они по-прежнему случались, разве что стали уделом прежде всего бедных («молодчих») казаков, голытьбы и бурлаков. Особо важными эти предприятия становились для донцов тогда, когда было нельзя или невозможно вести боевые действия с иноверцами и не хватало продовольствия. Подобная ситуация повторилась, например, в 1666–1667 годах.

В 1666 году два отряда во главе с атаманами Иваном Аверкиевым и Алексеем Наумовым отправились на Украину и предложили свои услуги левобережному гетману Ивану Брюховецкому. Однако тот их нанимать не стал, и донцов разоружили русские войска. Дело в том, что в апреле 1666 года между Россией и Речью Посполитой начались мирные переговоры, поэтому помощь с Дона была не нужна. К тому же правительство опасалось, что передвижение казачьих отрядов за пределами Дона посеет смуту. И эти опасения были не напрасны.

ВОЛЖСКО-КАСПИЙСКИЙ ПОХОД

В начале 1667 года на Дону оказалось много людей, не просто недовольных жизнью, но и страдающих от голода. Их проблемы Разин принял близко к сердцу – не только из чувства солидарности, но и потому, что сам хотел добиться благополучия и славы. Традиция подсказывала один путь к подобной цели – «поход за зипунами». Поскольку выход в Азовское море преградили турки, Степан со товарищи обратили свои взоры на Волгу.

* См.: Усенко О. Г. Терпи, казак... // Родина. 1993. № 10.

Разинский отряд собирался близ Переволоки (кратчайшего пути с Дона на Волгу) у Паншинского и Качалинского городков. Узнав об этом, правительство послало 22 марта грамоту на Дон с требованием собравшихся «от воровства унять». Но войсковая верхушка не желала осложнять себе жизнь, к тому же многие домовитые казаки, вслед за торговцами из «украинных» городов, ссужали «воровских казаков, голутвенных людей, ружьем и платьем» в счёт будущей добычи.

Разин выступил в поход 13 мая. С ним было около тысячи человек. Через реки Иловля и Камышинка отряд вышел на Волгу. Выше Царицына разинцы напали на суда, принадлежавшие купцам и патриарху Иоасафу, а также самому царю. Разбойники перебили «начальных людей» и приняли к себе судовых рабочих и колодников. Хотя государев хлеб пошёл ко дну, деньги из царской казны остались в полной сохранности – хранителя казны вместе с нею нагишом высадили на берег.

25 мая отряд на 35 стругах подошёл к Царицыну, и тут Степан предстал перед своими соратниками в магическом ореоле. Когда они «мимо Царицына Волгою плыли, и с Царицына де стреляли по ним из пушек, и пушка де ни одна не выстрелила, запалом весь порох выходил. А стояли от города в четырёх верстах и присылали они на Царицын ясаула... и взяли на Царицыне у воеводы наковальню и мехи и кузнечную снасть. А дал им он, убоясь тех воров, что того атамана и ясаула пицаль ни сабля, ништо не возьмёт, и всё де войско они берегут». Воевода выдал также Льва Плещеева, родственника Леонтия Плещеева, убитого за «измену» во время Соляного бунта 1648 года. Затем казаки двинулись вниз по Волге.

Через протоку Бузан они попытались обойти Астрахань, но путь им преградил отряд стрельцов с пушками и пищалями во главе с воеводой Чёрного Яра. «Воры» применили хитрость – подплывая, закричали, что хотят вступить в переговоры. Им дали спокойно высадиться на берег, но они перешли в атаку. Одни стрельцы убежали, а другие присоединились к разинцам. После этого казаки вышли в Каспийское море. Астраханский воевода Иван Хилков послал погоню, но было поздно.

Яицким городком Разин овладел опять же с помощью хитрости. Взяв 40 человек и спрятав остальных, он пришёл к воротам города и попросил впустить его с товарищами на богомолье. Войдя в крепость, казаки достали спрятанное оружие, перебили охрану у ворот и пустили других «воров». Город был взят ещё и потому, что многие стрельцы перешли на сторону разинцев.

В октябре 1667-го в Яицкий городок прибыли послы с Дона и вручили Степану царскую грамоту и «войсковую отписку» с повелением прекратить «воровство» и вернуться на Дон. После совещания в кругу Разин заявил посланникам, что «как к нему впредь государева грамота придёт, и он де великому государю вину свою принесёт». Но когда в феврале 1668 года к Яицкому городку прибыл астраханский воевода Яков Безобразов с трёхтысячным войском, разинцы его разбили.

23 марта 1668 года разинцы вышли в Каспийское море. Подойдя к устьям Терека и Куры, они пополнили свои ряды несколькими отрядами охотников «за зипунами», которые специально пришли, прельщённые молвой о разинских успехах. Теперь у него было не менее 1600 человек. Казаки «разорили меж Дербени и Шемахи деревню Мордову, людей и животину поймали». В июле у побережья персидской провинции Гилян вблизи города Решт «воровские казаки» вступили в сражение с войсками шаха Сулеймана. Бой закончился вничью, и казаки пошли на переговоры. Они попросили дать «место на реке Ленкуре, где им жить». В это время шах получил грамоту из Москвы, где говорилось, чтобы с разинцами персы не церемонились. По приказу шаха казачьих послов заковали в цепи, а одного затравили собаками. В ответ искатели «зипунов» разорили город Ферабад, где находился «потешный двор» шаха, и город Астрабад, после чего стали укреплённым лагерем на полуострове Миян-Кале, отделявшим от моря Астрабадский залив.

Зимовка была трудной – немало казаков умерло от лишений и болезней. Зато к Разину «пристали для воровства иноземцы многие скудные люди». Узнав, что им угрожают персидские корабли, разинцы двинулись к туркменскому побережью. Там они приняли с войсками шаха бой, в котором погиб разинский атаман Сергей Кривой, и стали лагерем на Свином острове близ Баку. Летом они уничтожили персидский флот Мемед-хана, высланный против них, притом, что у противника было 50 судов и 3700 воинов. Затем казаки «под шаховым городом Бакою разорили деревню», захватили примерно 150 мужчин и женщин и около 7000 баранов. Но силы «охотников за зипунами» таяли, и в августе Степан повёл их в Астрахань.

Астраханский воевода Иван Прозоровский направил против казаков 4 тысячи стрельцов во главе с князем Семёном Львовым. Разинцы уклонились от боя, уйдя в море. Тогда Львов послал к ним человека с царской «милостивой» грамотой, где Разину обещалось прощение, если он утихомирится и вернётся на Дон. Степан согласился и начал переговоры. Прозоровский обязался принять «воровских казаков» с почётом и пропустить их на Дон. Те, в свою очередь, пообещали отдать захваченные ими

[с. 72]

пушки, пленных служилых людей и товары персидского купца, ограбленного на обратном пути.

В Астрахани Разин щедро одарил воеводу и князя Львова. С последним он даже породнился, приняв от него в дар икону Богородицы и став, таким образом, его названным сыном. Степан пировал с местными управителями, демонстрировал пленного «черкесского князя» – юного сына кабардинского мурзы Камбулата Пшимаховича. Разгуливая по улицам в сопровождении толпы зевак, атаман «разбрасывал дукаты и другие золотые монеты». Его соратники щеголяли в одеждах из шёлка, бархата и других тканей, подобающих лишь знати, причём у многих наряды были затканы золотом, а некоторые украшали свои шапки драгоценными камнями. Хотя «простые казаки были одеты, как короли», они во время бесед с Разиным «становились на колени и склонялись головою до земли, называя его не иначе, как батька или отец». Всё это произвело на местных жителей неизгладимое впечатление, которое подкреплялось молвой о том, как Степан во имя воинского братства принёс в жертву Волге пленную персидскую княжну.

Но не всё было гладко. Не случайно разинцы уклонились от сдачи лёгких пушек, пленных и награбленной «рухляди». В начале сентября они поплыли на Дон, по пути принимая в свои ряды беглых крестьян, стрельцов и бурлаков. Будучи в Царицыне, Разин выпустил на волю «тюремных сидельцев» и прилюдно выбрал воеводу, пригрозив его убить, если тот не перестанет злоупотреблять властью. В октябре 1669 года разинцы прибыли на Дон и «поход за зипунами» завершился.

ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ

Разин обосновался на острове близ Кагальницкого городка, взяв под контроль торговлю по Дону и Северскому Донцу, а также сообщение между войсковой администрацией и верховыми городками, Царицыным, Воронежем, Москвой. К Степану, стяжавшему громкую славу, шли охотники до быстрого жизненного успеха. У Разина сохранился костяк верного ему войска. Постоянным спутником Степана стал его духовный отец, чёрный поп Феодосий, который, в частности, «кладывал» на него заклятье «от стрельбы». Авторитет Разина вырос настолько, что к нему стали обращаться новобрачные. Но он советовал венчаться по старинному обычаю, когда жених и невеста ходят вокруг ракиты или вербы.

Уже в ноябре 1669 года в Черкасск дошёл слух о намерении Разина «атаманов и казаков лутчих людей побить». Войсковая верхушка сообщила об этом в Москву и направила на разведку старшину Фрола Минаева. Но С. Разин «ему, Фролу, всякие поносные слова говорил, и хотел его посадить в воду, и отпустил к Войску в Черкасский городок». Встревоженные старшины в декабре направили к царю посланников с предупреждением, что войсковая администрация не причастна к делам разинцев.

В начале 1670 года Разин в сопровождении многочисленного отряда неожиданно прибыл в Черкасск. Там он самовольно созвал круг, на котором «к атаману Корнилу Яковлеву с ножом метался», а после круга «учинил атаманом и казаком всякое разорение в Черкасском». В Москве об этом не знали и готовились, как обычно, весной отправить казакам царское жалованье. Но предварительно на Дон для разведки был послан дворянин Григорий

Евдокимов. Его поездка, однако, закончилась трагически.

БУНТ

К весне 1670 года на Дон дошли слухи об «измене» в Москве – о том, что умершие с марта 1669 по январь 1670 года царица Мария Ильинична, царевичи Алексей и Симеон будто бы отравлены «боярами». Разин в это поверил и решил защитить монарха и отомстить за его близких. К тому же он получил фальшивую царскую грамоту и письмо от имени опального патриарха Никона с призывами идти «на бояр к Москве». В сознании Степана и его товарищей сразу всплыли имена сановников, из-за которых «к ним на Дон государева жалованья не присылаетца».

10 апреля в Черкасск прибыл Евдокимов. На следующий день туда же явился Разин со своими казаками. На круге 12 апреля он объявил дворянина боярским «лазутчиком», после чего тот был убит. Что именно насторожило Разина? Во-первых, Евдокимов приехал на Дон в неурочное время (обычно посольства из Москвы приезжали позже). Во-вторых, странен был маршрут его следования: вместо того, чтобы ехать через Воронеж, он отправился кружным путем через Валуйки и степь. В-третьих, по приезде он сразу явился на войсковой круг, даже для проформы не потребовав, чтобы сами казаки пришли к нему на стан для чтения царской грамоты (подобные требования государевы послы выдвигали до этого постоянно).

Убить виновного в «измене» было и можно, и должно. В сознании донцов присутствовало убеждение, что под юрисдикцию войска подпадают все находящиеся на его территории – даже дипломаты. Герои донского фольклора казнят иноземных и царских послов, превысивших свои полномочия или же пренебрегавших донскими обычаями. В 1630 году казаки и в самом деле казнили царского посла Карамышева за то, что тот угрожал разорить их городки.

12 апреля Разин заявил Корниле Яковлеву: «Ты де владеи своим войском, а я де владею своим войском». Вскоре на повстанческих кругах в Черкасске и Паншине было принято решение идти на Волгу, а затем «в Русь» против «изменников – бояр, и думных людей, и в городех воевод, и приказных людей». Желая защитить монарха, разинцы одновременно стремились «чёрным людям дать свободу». Официальным лозунгом восстания стал призыв «порадеть за дом пресвятой Богородицы, и за великого государя, и за батюшку за Степана Тимофеевича, и за всю православную христианскую веру». Этот призыв Разин обращал даже к мусульманам (татарам и чувашам) и буддистам (калмыкам, с которыми заключил союз). Кстати, для повстанцев он стоял на одном уровне с патриархом Никоном, которого они тоже звали «отцом» и «батюшкой».

В середине апреля около 5000 повстанцев, среди которых преобладали жители верховых донских городков и «новопришлые», подошли к Царицыну. В начале мая при активной поддержке местного населения город был взят. Чтобы показать, что отныне «изменники» вне общества, Разин

[с. 73]

приказал не исповедывать и не хоронить умиравших стрельцов, оборонявших город, а также распорядился брить бороды всем пленным. При этом он часто бывал в гостях у казначея одного из местных монастырей, держал при себе племянника убитого царицынского воеводы.

Узнав о начале восстания, правительство в конце мая разослало указы воеводам южных городов о запрещении торговли с Доном и об усилении гарнизонов. Не было послано казакам и царское жалованье. В середине июля были посланы грамоты воеводам 67 городов к югу от Москвы с предписанием задерживать всех людей, приходивших с Дона, и

допрашивать их «з большим пристрастьем». Таким образом, Дон попал в продовольственную блокаду.

Разин вначале предполагал из Царицына «итить вверх Волгою к Москве», но решил двинуться вниз по реке, когда узнал о высылке против него отряда астраханских стрельцов под командованием Семёна Львова. Очевидно, атаман предполагал, что привлечёт на свою сторону и своего названного отца, и его подчинённых. Так оно и случилось в начале июня под Чёрным Яром, который незадолго до этого восставшие тоже взяли без боя, причём сохранили жизнь черноморскому воеводе, встретившему их с большими почестями.

22 июня почти десяти тысячное войско повстанцев захватило Астрахань. Этому помогли местные стрельцы и солдаты, перешедшие на сторону Разина. При штурме Астрахани они кричали жителям, что «если даже их братья, отцы или дети вздумают обороняться, они не пощадят своих собственных родителей, жён и детей, а всех порубят в куски...». В то же время Степан для них был «отцом-избавителем», «отцом и спасителем». Эти эпитеты позволяют предположить, что простой народ воспринимал его как мессию.

Соратники Разина «повиновались его малейшему знаку и были ему верны, как если бы он был самым великим монархом в мире». Все его распоряжения мгновенно приводились в исполнение. Если же с этим медлили, предводитель восставших впадал в ярость и отказывался от звания атамана, предлагая выбрать другого. Тут «все падали ему в ноги и все в один голос просили, чтобы он снова взял саблю и был им не только атаманом, но и отцом, а они будут послушны ему и в жизни, и в смерти».

Характерно, что за «изменниками» не признавалось и право церковного убежища: воевода Прозоровский, затаившийся в соборной церкви, расправы этим не избежал. После взятия Астрахани Разин «в приказной палате дела велел драть», но это не мешало ему с товарищами пировать в гостях у митрополита Иосифа и вместе с ним отпраздновать именины царевича Фёдора Алексеевича. Митрополиту, как, впрочем, и князю Львову, досталась также часть захваченных разинцами трофеев. По ходу восстания Степан часть добычи и пленников-«басурман» регулярно отсылал в Черкасск, а также одаривал тех, кто не был в составе повстанческого войска, но вызывал расположение у него лично или у других повстанцев.

Оставив Астрахань на попечение отряда Уса, Разин двинулся вверх по Волге. 15 августа его «встретили с хлебом» саратовцы. В конце августа сдалась без боя Самара. Степан и его атаманы рассылали во все стороны агитаторов с отрядами. Подобные отряды действовали у Шацка, Керенска, Козлова, Острогжска, Коротояка, Тамбова, Царёва-Борисова, Балаклеи, Пензы, Алатыря, Курмышы, Козмодемьянска, Арзамаса, Симбирска, Нижнего Новгорода, Тотьмы и других городов. С августа 1670 года в ставке Разина находился «царевич Алексей»*. Молва об этом распространилась моментально, и вскоре десятки тысяч крестьян присоединились к казачьему восстанию, которое грозило превратиться в гражданскую войну.

Однако ненависть не застилала глаза повстанцам, не толкала их на огульные расправы со всеми, кто принадлежал к привилегированным сословиям. Как правило, тех, кто не знал меры в своём стремлении к наживе или к власти, казнили, даже если они не оказывали сопротивления. Нередко уничтожали и их имущество, так как существовало представление о неразрывной связи вещи и её обладателя. Поэтому разинцы, сжигавшие церкви на землях «изменников», вряд ли считали себя святотатцами.

В то же время представители элиты могли рассчитывать на снисхождение, если вели себя лояльно по отношению к повстанцам, выказывали им знаки уважения или переходили на их сторону. Хотя Разин отдал приказ вешать каждого, кто будет просить за «немца» (выходца из Западной Европы), и восставшие верили, будто «убийством иноземца они заслужат награду Божью», тем не менее и к «немцам» они подходили избирательно. Иногда жизнь сохранялась тем иностранцам, которые оказывали сопротивление мятежникам, но могли быть полезными для них (например, научить их стрелять из пушек).

Разинцы считали вполне естественным применять силу и угрозы для пополнения своих рядов. Фактически у людей не было выбора – отказ идти на «службу великому государю»

был равносителен подписанию себе смертного приговора. Впрочем, насильственный набор в повстанческое войско преобладал тогда, когда мятежники терпели поражения или чувствовали себя недостаточно уверенно. Разинские атаманы, рассылая «прелестные письма» по деревням и сёлам, обращались в первую очередь к старостам и «выборным крестьянам». И что интересно, деревенские богатеи нередко оказывали восставшим активную поддержку. Например, в 1670 году «скудные и бедные люди» Тамбовского уезда хотели повиниться великому государю, но их «держали и унимали которые зажиточные люди», сносившиеся с разинцами.

В сентябре 1670 года разинцы захватили Симбирск, но не сумели овладеть его кремлём. На помощь осаждённым подошли царские войска, и 4 октября повстанцы были разбиты. Разин был «рублен саблею, и застрелен ис пищали в ногу», после чего соратники отправили его в Царицын. Большинство донцов последовали за ним.

Пока правительство приводило к повиновению бунтовавших крестьян и горожан, Степан пытался восстановить свою власть на Дону. Незадолго до его возвращения, в ноябре 1670 года, многих его «товарищей» в Кагальницком городке перебили низовые казаки. Степан попытался в январе 1671 года захватить Черкасск, но не смог. Войсковая администрация, получив от царя заверение, что казаков простят, если они схватят и пришлют Разина в Москву, и узнав, что последний отлучён от церкви, организовала поход на Кагальник и взяла его 14 апреля. Степан, а вскоре и его брат Фрол были схвачены и доставлены в Черкасск.

24 апреля станица во главе с Корнилой Яковлевым повезла их в Москву. Туда они прибыли 2 июня, а уже 6-го Степан был казнён. Затем лишили жизни и самозваного «царевича Алексея». 8 июня правительство разрешило вести торговлю по Дону и Хопру. Оказавшиеся в Москве донцы получили щедрые награды. В конце августа Войско Донское присягнуло на верность царю. Это был первый акт превращения донских казаков из вассалов российского государя в его подданных.

Но ещё держалась мятежная Астрахань. В ноябре 1670 года митрополит Иосиф получил царскую грамоту с обещанием помиловать восставших, если те принесут повинную. Однако разинцы посчитали, что грамоту сочинил митрополичий ключарь и оставили её без внимания. В конце апреля 1671 года Иосиф получил новую грамоту с требованием к астраханцам «воров донских перехватить и посадить в тюрьму», а город сдать. И этот указ был воспринят как подложный, сочинённый «боярами» без ведома царя. Дело в том, до восставших доходили не оригиналы, а копии царских грамот. 11 мая митрополит, обвинённый в сговоре с «изменниками», был казнён. Его сбросили с «раската» (башни), предварительно сняв с него архиерейские одежды. Разоблачение врага происходило и в прямом, и в переносном смысле. Когда же до астраханцев дошли-таки оригиналы высочайших грамот и мятежники убедились в их подлинности, они сложили оружие и повинились. 27 ноября 1671 года царские войска вступили в Астрахань. Разинщина закончилась.

НОРМАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ?

Стенька Разин был сыном своего времени и вполне типичным представителем донского сообщества. На его совести много грехов, но не все они непростительны. И он, и его соратники часто творили зло, но иногда это делали, желая добра, или просто потому, что так было принято. Поднятое ими восстание, конечно, не было «бессмысленным и беспощадным», его даже можно считать явлением вполне естественным и нормальным для России XVII века. И всё же эта норма для эксцесса, чрезвычайщины. Какое начало победит, доброе или злое, во многом зависит от порядков в обществе и от властителей...

* См.: Родина. 2006. № 8.